

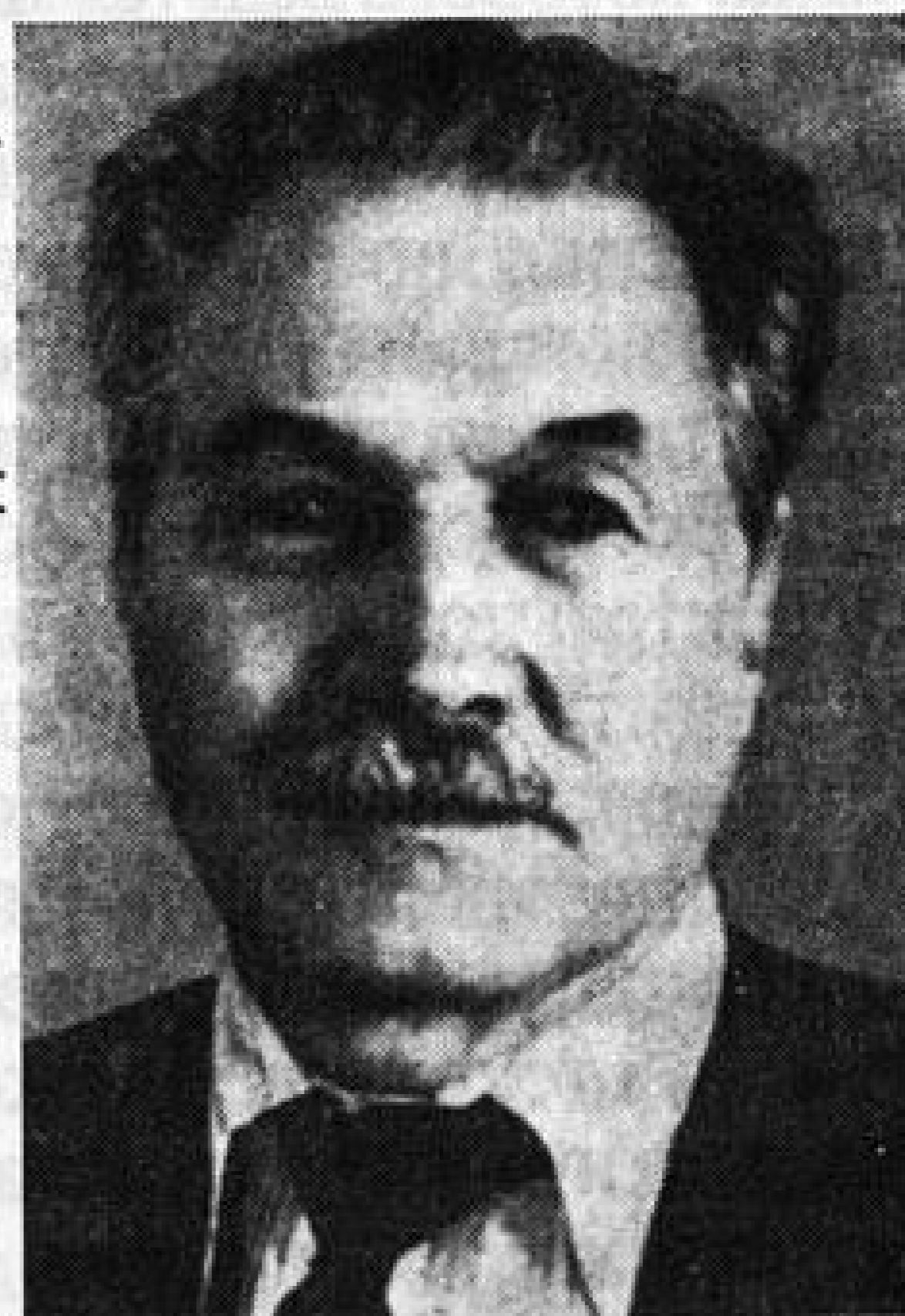
ный» при отъезде) резко и как будто неожиданно превращается в холодно-го и высокомерного тирана. Думается, большинство читателей в силу своей неискренности будут во след за воспитателем Ставрогина — Степаном Трофимовичем Верховенским — искать объяснения таких поступков по нормам поведения здорового человека, полагая, «что это только первые, буйные порывы слишком богатой организации, что море уляжется и что все это похоже на юность принца Гарри, кутившего с Фальстафом, Пойнсом и мистрис Квикли, описанную у Шекспира». Правда, ощущение какой-то отталкивающей иррациональности («грязь, грязь!») и, следовательно, болезненности, скорее всего, проникнет и в их рассуждения. Увы, как покажут последующие события, такое объяснение совершенно неверно. Остается только предположить, что перед нами проявления какой-то резко обозначившей себя психической болезни? Какой? Поступки героя позволяют заключить, что, скорее всего, речь идет о шизофреническом шубе (от немецкого *der Schub* — сдвиг), с которого началась неуклонная деградация личности. Важно понимать, что каждый болезненный приступ шизофрении определяется внутренними причинами, строго говоря — нарушениями химизма человеческого мозга. Однако они практически недоступны пониманию непрофессионалов. А поскольку беспричинных событий не бывает, далекий от медицины человек будет искать их во внешних, абсолютно случайных событиях окружающей жизни.

В результате болезненного сдвига личность становится другой. Произошедшее можно уподобить падению зеркала, разбивающегося на множество мелких осколков, каждый из которых способен отразить какой-то фрагмент окружающей нас действительности, однако ни в какую общую картину эти фрагменты уже не складываются. Нечто подобное происходит и со Ставрогиным. Как отмечал еще Д.А. Аменицкий, хотя умственные способности и полученные ранее знания у

него остаются как будто нетронутыми, их связь с духовным обликом личности уже нарушена. Его идеи больше не проникнуты теми живыми чувствами и верованиями, которые составляют основу личности, ее интимное ядро. Лишь благодаря колоссальному автоматизму психики, вырабатываемому в детстве, они остаются присутствующими конкретной личности. Только таким образом Ставрогин «известный период времени может производить впечатление корректного, образованного, рассудительного человека».

В стремлении реализовать один из важнейших литературных замыслов Достоевский лепил образ мощной, богато одаренной, хотя и демонической натуры. Не только в воображении художника, но и в реальной жизни личность такого масштаба может очень долго сопротивляться разрушительному действию психоза. Но все же отпечаток болезни уже проявляется в личности. Это и не удивительно: чаще всего пораженный шизофренией человек — не более чем пассивный раб автоматических, неконтролируемых критическим сознанием стимулов, проявляющихся у него вне обычных ассоциативных связей нормальной личности с окружающим миром. Закономерно в таком случае, что после своей неожиданной отставки Ставрогин оказывается «в какой-то странной компании», связавшись «с каким-то отребьем петербургского населения, с какими-то бессапожны-

Д.А. Аменицкий

Д.А. Аменицкий